

ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.01

Правильная ссылка на статью:

Михайлова Е. А. Идентичности: социологическое измерение // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 1—6. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.01.

For citation:

Mikhaylova E. A. Identity: sociological dimension. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 4. P. 1—6. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.01.

Е. А. Михайлова

ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА)

ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ

IDENTITY: SOCIOLOGICAL DIMENSION

МИХАЙЛОВА Елена Александровна — кандидат социологических наук, директор по исследованиям Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), доцент кафедры социологии и гуманитарной культуры НИЯУ МИФИ.

E-MAIL: socio-expert@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4509-9337

Elena A. MIKHAYLOVA^{1,2} — Candidate of Sociology, Research Director; Associate Professor of Sociology and Humanitarian Culture

E-MAIL: socio-expert@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4509-9337

¹ Russia Public Opinion Research Center (VCIOM)

² National Research Nuclear University MEPhI

Этот номер журнала посвящен сложной для изучения и анализа теме — идентичности. Мы часто говорим о религиозной, территориальной, гражданской идентичностях, однако имеем ли мы эффективные социологические инструменты для их измерения? Понимаем ли, каковы механизмы активизации каждой из различных идентичностей (и в каких случаях они утрачивают свое значение)? Удастся ли отслеживать влияние глобальных трендов развития на трансформацию процессов самоидентификации индивидов? Коллектив авторов, приглашенных для подготовки данного тематического номера, попытался ответить на эти вопросы.

Отражая приверженность индивидов тем или иным нормативным моделям поведения, сформированным на уровне внутригрупповых систем, идентичности могут рассматриваться в разных контекстах — экономическом, этническом, религиозном, территориальном, государственном. Целеполагание и система действий индивида определяются тем, с какой группой или общностью он себя

идентифицирует. Осознание личностью своей принадлежности к той или иной группе и эмоциональное принятие того, что с ней будут связаны индивидуальные перспективы, реализуемые жизненные стратегии.

Идентичности могут рассматриваться и как элементы социальной динамики: сформированные под воздействием объективной реальности, они определяют мотивации, задают координаты для системы действий, порождают новые смыслы, которые при наложении на субъективный опыт и практики приводят к формированию новой реальности. Идентичности определяют целеполагание и систему действий — социологический анализ идентичностей позволяет понять, в каком состоянии находится общество.

Однако, с точки зрения анализа устойчивости социальной системы, в первую очередь речь идет об изучении гражданской, государственной идентичностей: чем больше людей отождествляют себя со страной, тем более устойчивым и стабильным является государство. Доминирование идентичностей, отличных от общегражданских, свидетельствует о высоких рисках дестабилизации и распада сложившейся системы общественных отношений.

В современном обществе веками складывавшиеся ценностные системы и устойчивые наборы идентификационных кодов претерпевают серьезные трансформации; процесс взаимопроникновения культур носит интенсивный характер. Высокая динамика социальных процессов, характерная для всех сфер общественной жизни, приводит к вытеснению и замещению значительной доли элементов, лежавших ранее в основе мировоззренческих и поведенческих моделей отдельных групп. Высокая социальная мобильность (территориальная, профессиональная и т. п.) является причиной постоянного дополнения базовых идентичностей новыми элементами.

Понятие «текущая современность» [Бауман, 2008] концентрированно отражает ключевые метатренды, присущие современному обществу. Размывание границ, свобода передвижения, обусловленная возможностью оперативной смены места жительства и открытостью границ, трансформация структуры занятости и региональных рынков труда привели к изменению процесса формирования идентичностей.

Единое пространство «без границ» не исключает осознания национальной идентичности, включающей уважение к истории своего народа и предков даже в случае проживания далеко за пределами географических границ государства. Более того, под влиянием активного притока инокультурных элементов наблюдается активизация защитных механизмов социальных систем, позволяющих обеспечить сохранение их целостности. Народы европейских стран, несмотря на открытость границ, продолжают сохранять свою национально-культурную идентичность, бережно относясь к воспроизводству традиционных ценностей. Под воздействием активного притока новых элементов активизируются защитные механизмы культур, позволяющие обеспечить сохранение их целостности — усиление интереса к традиционным национальным праздникам и сохранению родных языков как реакция на агрессивные глобализационные тренды¹.

¹ Об этих трендах уже упоминалось в интервью автора, опубликованном на официальном сайте Всероссийского центра изучения общественного мнения (<https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=116204>).

Нация представляет собой «воображённое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное (подразумевает существование других наций), но в то же время суверенное (стремится к автономии)» [Андерсон, 2001: 30—32]. В инокультурных средах, в условиях сосуществования с другими группами, индивиды начинают обращать особое внимание на существующие различия, усиливается значимость идентификационных признаков. Однако различия выступают в качестве демаркационных линий между группами только в случаях, когда они наделяются индивидами особым смыслом.

Для чувства единения с членами «воображаемого сообщества», которым является нация, вовсе не обязательно поддержание реальных контактов с отдельными ее представителями (в реальном или виртуальном формате) — оно может базироваться на ментальном образе сходства. В условиях открытости границ и высокой социальной мобильности территориальные границы перестали играть роль идентификационного признака — чувствующие свою общность с нацией, народом могут проживать далеко за пределами компактного проживания доминирующей части этого сообщества. Российское культурно-языковое пространство гораздо шире географических границ страны. Чувствовать свою принадлежность к российской нации сегодня могут проживающие за тысячи километров от ее границ, на других континентах — потомки русских эмигрантов, трудовые мигранты, проходящие обучение в зарубежных образовательных учреждениях и т. п. В то же время 53 % россиян, согласно данным проведенного в 2016 году опроса, считают их частью русского народа².

Кластеризация труда — тренд, приводящий к локализации людей со схожей профессиональной идентичностью, однако ничуть не противоречащий сохранению национальной и государственной идентичностей при переезде в другую точку мира. Практика современных коммуникаций позволяет индивидам, находящимся в инокультурных средах, поддерживать тесные связи с сообществами в стране исхода. Ориентация на получение информационных сообщений от информантов, оставшихся в странах исхода, а также потенциальная возможность дальнейшей смены места пребывания приводят к снижению интенсивности интеграционных процессов мигрантов в принимающих средах.

Из ядра системы самоидентификации постепенно вытесняется такой фактор как «территория проживания». В целом, жизненные стратегии стали краткосрочными, долгосрочное планирование в условиях высокой динамики общественных изменений стало бессмысленно. Если еще столетие назад понятие «родовое гнездо» было привычно, а дома строились с ориентацией на то, что в них будет проживать не одно поколение потомков, то сегодня становится очевидна непопулярность таких стратегий: привязка к конкретному месту рассматривается как ограничивающая вариативность выбора (и эти тренды уже нашли отражение

² Согласно результатам исследования, проводившегося Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2016 году. Выборочная совокупность опроса составляет 1600 респондентов. Выборка репрезентирует население РФ в возрасте 18 лет и старше по полу, возрасту, образованию, типу населенного пункта. Выборка многоступенчатая, стратифицированная, с пошаговым отбором домохозяйств, с применением квот на последнем этапе отбора. Для выборки максимальный размер ошибки (с учетом эффекта дизайна) с вероятностью 95 % не превышает 3,5 %. Метод опроса — личные формализованные интервью по месту жительства респондента. Опрос проводится в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках и 9 ФО России.

в изменении структуры предложений на рынке индивидуального жилищного строительства).

С другой стороны, события последних лет позволили еще раз эмпирически проверить наличие зависимости между условиями существования групп и степенью выраженности идентичностей посредством анализа смыслов, которыми наделяется понятие «гражданство» (ответы на вопрос: «Что лично для Вас означает быть гражданином?»). Формальный признак «гражданства» формирует государственную идентичность, однако не всегда является ключевым в системе действий. Интернализация норм и ценностей, разделяемых большинством членов общества, не является неизбежным следствием формального статуса, указывающего на принадлежность к группе. Опросы крымчан, проводившиеся по прошествии полугода после присоединения территории к Российской Федерации, свидетельствуют — при включении в новые сообщества фактор формальной принадлежности к социальной группе начинает доминировать. Если для населения Крыма новый статус приобрел особое значение, ему уделялось особое внимание, то для остальных россиян факторами усиления гражданской и государственной идентичностей стало появление внешних вызовов и угроз в результате обострения международной ситуации. При этом осмысление различий, увеличение демаркационных линий между «мы, граждане Российской Федерации» и «они» снизило уровень противоречий между отдельными этническими группами и способствовало сплочению нации.

Говоря о политике идентичности, Р. Брубейкер особое внимание уделяет функции государства «навязать людям определенные стереотипы мышления о себе самих, своей нации, стране, мире» [Брубейкер, 2012]. Разъяснение, что является общим, какие цели, ценности являются едиными для всех членов такой общности как нация — это отнюдь не навязывание смыслов, а актуализация и поддержание образцов. И целью исследователей в данном случае является выявление именно тех компонентов, которые составляют ядро ментального образа нации.

Наблюдаемые тренды приводят социологов к размышлениям над вопросом: имеем ли мы эффективные, чувствительные инструменты и методики измерений для того, чтобы зафиксировать устойчивые наборы присущих «воображаемым сообществам» элементов, выступающих в качестве индикаторов принадлежности к общности? Имеем ли мы возможность оценить реальное количество тех, кто чувствует единение с гражданами нашей страны? В условиях текущей напряженной политической ситуации поиск ответов на эти вопросы становится актуальным для всех, кто занимается изучением идентичностей и процессов, связанных с их трансформацией.

Перед исследователями стоит непростая задача выбора тех оптимальных методик измерения идентичностей, которые являются наиболее чувствительны к динамике социальных процессов. Так, изучение «Я-идентичностей» посредством использования адаптированной к количественным опросам методики, предложенной в 1954 году М. Куном и Т. Мак-Партландом для изучения содержательных характеристик идентичности личности («Тест 20 ответов») [Kuhn, McPartland, 1954], в ряде случаев имеет смысл только при использовании расширенного инструментария. Так, динамика в распределениях ответов на вопрос «Как бы Вы ответили сами себе

на вопрос «Кто я такой?» в опросах, проводившихся в период с 2005 по 2017 год, незначительна — гражданская идентичность остается в течение последних лет приблизительно на одном уровне — около 60% (в 2016 году показатель составил 59%, всплеск наблюдался лишь в 2008 году — 70%, после чего значения опустились до прежнего уровня). В то же время вопрос «А Вы гордитесь или не гордитесь принадлежностью к следующей группе «Мы-граждане Российской Федерации»?» более чувствителен к эмоциональным факторам и изменениям внешней среды: за период с 2013 г. показатель вырос на 8 п. п. и составил в 2016 г. 71%.

Подход, ориентированный на измерение «Мы-идентификаций» (вопрос «Кто мы?»), дает представление о реальных объемах групп при максимальной активизации мобилизационных факторов, однако остается открытым вопрос об устойчивости декларируемых идентичностей в условиях активных трансформаций социальной среды.

Размышления об идентичностях могут лежать в разных плоскостях. Готовя данный номер, мы пригласили как авторов, анализирующих процессы на макроуровне, отслеживающих тренды, связанные с изменением идентичностей на уровне социальной системы, так и тех, кто анализирует отдельные этнические, социальные группы. В частности, в номере представлены две статьи, посвященных изучению идентичностей в среде казаков — особый статус данной группы формирует повышенный интерес к процессу формирования и условий сохранения в ней идентификационных признаков. Сопоставление используемых подходов и методик, сравнение полученных выводов позволяет составить более объективную картину, выявить устойчивые тренды. Один из наиболее острых и проблемных вопросов здесь — как мы описываем общность, называемую нацией (какое из определений является для населения эмоционально более близким, как воспринимаются понятия «российская» и «русская нация»).

В номере также представлены работы молодых экспериментаторов, предлагающих использование новых технологий (например, анализ высказываний пользователей в социальных сетях). Возможно, предложенные ими подходы позволят четче выделять признаки, являющиеся устойчивыми для анализируемых социальных групп, а также факторы, оказывающие влияние на их активизацию и трансформацию.

Первоначально кажущиеся противоречивыми выводы авторов, нашедшие отражение в вошедших в номер материалах, в своей совокупности способствуют формированию комплексного представления о том, что же такое российская идентичность, сможем ли мы посредством имеющихся у нас инструментов когда-либо измерить, каковы реальные объемы российской нации, из чего складывается «русская душа», по каким признакам в иноязычной среде мы можем выделять «своих» и т. п.

Список литературы (References)

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001 г.

Anderson B. (2001) *Imagined Communities*. М.: Canon-Press. (In Russ)

Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Brubaker R. (2012) Ethnicity without Groups. M.: Izd. dom Vyishey shkolyi ekonomiki. (In Russ)

Бауман З. Текущая современность. СПб. : Питер, 2008.

Bauman Z. (2008) Front Cover. SPb: Piter. (In Russ.)

Kuhn M. H., McPartland T. S. (1954). An empirical investigation of self-attitudes. American Sociological Review. No 19(1). P. 68—76.